

УДК 159.964.2:177.61

Формирование отношений привязанности в психоаналитических теориях

Луговая А.А.

В статье в рамках психоаналитических концепций рассматриваются особенности отношений привязанности. Освещаются признанные научные данные, являющиеся результатом широкого спектра многочисленных исследований. Показаны различия во взглядах на формирование отношений привязанности у представителей школы эго-психологии и представителей школы объектных отношений. Проанализированы выделенные эго-психологами стадии формирования отношений привязанности. Выделены признаки, которые являются индикаторами начала формирования отношений привязанности.

Ключевые слова: объектные отношения, привязанность, детско-материнское взаимодействие.

У статті в рамках психоаналітичних концепцій розглядаються особливості стосунків прихильності. Висвітлюються визнані наукові дані, які є результатом широкого спектру численних досліджень. Показані відмінності в поглядах на формування стосунків прихильності у представників школи его-психології та представників школи об'єктних відносин. Проаналізовано виділені его-психологами стадії формування стосунків прихильності. Виділено ознаки, які є індикаторами початку формування стосунків прихильності.

Ключові слова: об'єктні відносини, прихильність, дитячо-материнські стосунки.

The article discusses the features of attachment in the psychoanalytic conceptions. The article highlights recognized scientific data resulting from a wide variety of numerous studies. The differences on the formation of attachment relationships with representatives of the school of ego psychology and object relations school representatives are presented. The article considers the analysis of the stages of formation of object relations, self psychology allocated within which formed a relationship of affection. Signs were isolated, which are indicators of the beginning of the formation of attachment.

Keywords: object relations, attachment, child-parent interaction.

Актуальность проблемы. Теория привязанности на сегодняшний день является одним из самых популярных направлений в европейской и американской психологии. Благодаря работам Дж. Боулби, М. Эйнсворт и др. нет необходимости доказывать, что важнейшим условием благополучного развития ребенка является наличие надежной привязанности как компонента детско-родительских отношений. Исследования показывают, что отношения привязанности, оказывают влияние на когнитивную, эмоциональную, поведенческую сферы развития ребенка. Например, показано, что человек с нарушенным стилем привязанности не может построить благополучные партнерские отношения, теплые, доверительные отношения со своими родителями и с собственным ребенком. Кроме того, показано, что нарушение стиля привязанности может стать причиной различных форм аддитивного поведения, аутоагрессивного поведения и т.д. Вместе с тем, следует признать, что, несмотря на большое количество работ в этой области, природа и динамика отношений привязанности все еще не до конца изучена. Поэтому представляется важным, проанализировать теоретические подходы к пониманию проблемы привязанности (в частности психоаналитический), чтобы понять механизмы и факторы формирования отношений привязанности и в дальнейшем иметь возможность формировать у ребенка надежный тип привязанности в нестабильном социальном окружении.

Цель работы – провести теоретический анализ психоаналитических концепций, которые рассматривают формирование и особенности отношений привязанности в раннем возрасте.

Традиционно, происхождение и развитие детско-материнских отношений рассматривают три подхода: психоаналитические теории объектных отношений, теории социального научения зависимости и привязанности и этологически ориентированные теории привязанности. Начало такой традиции исследования положил Дж. Боулби, которого не удовлетворяли данные психоанализа, касающиеся развития и особенностей привязанности. Дж Боулби обратился к этологии, кибернетике и т.д. [7]. Следует отметить, что каждый из этих подходов опирается на собственную терминологию, что может затруднять теоретический анализ концепций. Так, для того, чтобы охарактеризовать отношения ребенка с матерью обычно используют три термина: «объектные отношения», «зависимость» и «привязанность». Однако, несмотря на то, что каждый из этих терминов в большей или меньшей степени связан с теоретическим обоснованием происхождения и развития ранних межличностных отношений, все же их нельзя рассматривать как синонимы [6].

Понятие объектных отношений происходит из психоанализа. Для ребенка объектом чаще всего является другой человек (обычно мать или замещающее лицо, которое осуществляет первичный уход), который воспринимается как средство, благодаря которому могут быть удовлетворены инстинктивные потребности. Формируются объектные отношения в течение первого года жизни ребенка, а потому большинством психоаналитиков рассматриваются как оральные по природе. Однако в рамках психоанализа нет единого согласия в вопросе, который касается того, являются ли объектные отношения прототипическими, существующими с самого начала, или они формируются позже, а первоначальными являются отношения зависимости младенца от матери. Хотя термин «зависимость» используется некоторыми психоаналитиками, чтобы охарактеризовать «дообъектные» отношения младенца, часто этот термин употребляется

теоретиками соціального навчання. Ці теорії, слідуючи за психоаналітичними, розглядають походження міжособистісних відносин із залежності дитини від матері. В межах теорій соціального навчання залежність підразумеє незрілість. При нормальному розвитку дитини залежність повинна поступово поступати місцю незалежності.

Що стосується терміна «прив'язаність», то тут слід зазначити, що раніше цей термін використовувався в психоаналізі, коли згадувалися особливі любовні відносини. Однак, в наші дні використання цього терміна пов'язано з теорією прив'язаності, автором якої є Дж. Боулбі. Розробляючи свою теорію Дж. Боулбі шукав новий термін, який міг замінити термін «залежність» і був би вільним від теоретичних конотацій, які накопив термін «залежність». Як уже згадувалося вище, Дж. Боулбі звернувся до даної етимології, і вирішив використовувати термін «прив'язаність», визначаючи її як емоційну зв'язь, яку створює один чоловік (або тварина) з іншим конкретним чоловіком [1]. Як і «об'єктні відносини», прив'язаність має місце бути в будь-якому віці і не обов'язково підразумеє незрілість або неспроможність. Необхідно зазначити, що перша прив'язаність скоріше всього буде сформована до матері, але вона може бути доповнена прив'язаностями до кількох інших конкретних людей. Однак сформована до матері або іншої особи прив'язаність буде тривалою. Тому слід враховувати, що термін «прив'язаність» не може бути застосований до будь-яких перехідних відносин або ситуативної залежності. Проявлення прив'язаності може бути сильніше або слабше в залежності від ситуативних факторів, але сама прив'язаність при цьому міцна, навіть при впливі несприятливих умов (то ж саме якість міцності приписується психоаналітиками «об'єктивним відносинам»).

Розглянемо формування відносин прив'язаності з точки зору психоаналітичних концепцій. Психоаналіз єдиний у визначенні перших об'єктних відносин дитини основою її особистості: однак все ще не існує згоди щодо природи і динаміки цих відносин. Згода досягнута в тому, що в перший рік життя у дитини розвивається сильна лібідінозна прив'язаність до материнської фігури, а розбіжності стосуються того, як саме це відбувається. До цього часу залишається незрозумілим, яка саме динаміка, яка сприяє і лежить в основі цієї прив'язаності.

З. Фрейд, з початку тримався за точку зору, що першим об'єктом любові дитини є материнська груди, і вказував, що сосання є прототипом всіх наступних любовних відносин, підразумеючи, що любов дитини до матері є головним чином формою годівлі. Через це дитина відчуває тривогу, якщо матері не вистачає їжі, що сприймається як можливість незадоволення її потреб [6]. З. Фрейд вказував на важливість, цінність дитини до материнської прив'язаності і утверджував, що мати - «унікальний, не маючий аналогів, створений незмінно на все життя, перший і найсильніший об'єкт любові і прототип всіх наступних любовних відносин» [9, с. 231].

Представителі еґо-психології, покладаючись на точку зору З. Фрейда, роблять акцент на лабільності об'єкта. Еґо-психологи, приймаючи теорію психосексуального розвитку З. Фрейда, підкреслювали розвиток об'єктних відносин в контексті розвитку еґо-функцій. Таким чином, представителі еґо-психології вважають, що об'єктні відносини не існують з самого початку і формуються разом з розвитком еґо.

В цілому, згідно представителів школи еґо-психології розвиток об'єктних відносин розглядається як проходження трьох основних етапів: 1) недиференційований або безпредметний етап; 2) перехідний етап, і 3) етап об'єктних відносин.

Представителі школи еґо-психології утверджують, що у новонародженої ще немає ні ід, ні еґо, немає різниці між свідомими, підсвідомими і несвідомими процесами. Дитина не розрізняє ні людей, ні предмети; крім того, вона не може відокремити навіть себе від свого оточення - це означає, що вона не може розрізнити сенсорну інформацію, що йде від її власного тіла і сенсорну інформацію, що йде з зовнішнього світу. Тому, дитина не може навіть відокремити свою матір від себе, а значить, вона не може прив'язатися до неї як до об'єкта, тобто до об'єкта любові. Цей перший період життя характеризується тим, що З. Фрейд називав «первинним нарцисизмом»; інші позначають цей перший період як «недиференційований» або «безпредметний». В перший рік життя з дитиною відбуваються глибокі перетворення. Виникають еґо-функції. Дитина вже робить різницю між «я» і «не-я»; її пасивність поступає місцю активному взаємодію з зовнішнім світом. В цей період дитина вже робить чіткі різниці між людьми, вибирає свої переваги деяким з них і в звичайних умовах формує міцну прив'язаність до матері.

А. Фрейд зв'язувала виникнення об'єктних відносин з задоволенням потреб у їжі, при цьому особливий акцент вона робила на відносинах годівлі. Емоційне переживання дитини включає не тільки незадоволення від напруження, але також задоволення, пов'язане з зменшенням напруження. Лібідінозна прив'язаність на протязі цього раннього періоду пов'язана не з матір'ю або навіть з груддю як з об'єктом, а з «блаженим досвідом задоволення і зняття напруження». Коли дитина не перебуває в стані напруження, вона еґоцентрична і самодостатня, тобто, можна сказати, нарцисична. Але під впливом неотриманих фізичних потреб, зокрема, голоду, вона періодично встановлює зв'язь з оточуючим середовищем, яка зникає знову після того, як потреби задоволені, і напруження зникає [5].

Т. Бенедек описала наступний ритмічний хід подій, що характеризує нормальне взаємодію між матір'ю і дитиною: виникнення потреби, порушення сну, плач,

удовлетворение, и снова сон. В этой фазе «внематочного симбиоза» мать является частью процесса удовлетворения. Кормление не только утоляет голод, но оно передает ребенку тактильные и кинестетические чувства защищенности, что позволяет сохранить безопасность симбиоза [4].

Р. Шпиц, опираясь на большой опыт наблюдения материнско-детского взаимодействия, приходит к выводу о постепенном формировании объектных отношений от дообъектной стадии к фазе собственно либидинозного объекта. Р. Шпиц определяет начало стадии, которую она назвала этап «предшествующий объекту» появлением реакции улыбки. Реакция улыбки – индикатор внутреннего изменения от интероцептивной, автономной организации поглощения к более дифференцированной организации. Эта внутренняя реорганизация делает возможным формирование эго и начало развития социальных отношений [3]. Тем не менее, Р. Шпиц подчеркивает важность удовлетворения потребности в еде. Реакция улыбки рассматривается им как эффективный признак ожидаемого удовлетворения. Плач, когда мать уходит, выступает другим важным индикатором. Ее уход сигнализирует об ожидании возникновения напряжения, связанного с удовлетворением потребностей.

Говоря о второй стадии развития объектных отношений, Э. Хоффер и Е. Крис придают особое значение способности предвидеть ситуации кормления и ждать кормления. Т. Бенедек указывает на последовательность поведения, которая является следствием постепенного развития ребенка: поиск младенцем рта, чтобы сосать свои пальцы, слежение за матерью глазами, поворот головы, чтобы улыбнуться матери и способность ждать, наблюдая за подготовкой к своему кормлению. Если этот процесс развития идет хорошо – ребенок понимает, что его потребности будут удовлетворены. Это «доверие» является психическим коррелятом его пассивной, зависимой стадии. Это действует как «эмоциональное укрытие» и ребенок становится способным направлять свое внимание от внутренних инстинктивных напряжений к окружающей среде [6]. Э. Эриксон, который заимствовал это понятие у Т. Бенедек, назвал это «базовым доверием».

С. Эскалона уделяла значительно меньше внимания, чем другие удовлетворению потребности в еде. Она утверждала, что детско-материнское взаимодействие, такое как улыбка, бляние, и игра могут приносить удовольствие сами по себе. Обращаясь к проблеме различий между «я» и «не-я», С. Эскалона заключает, что целенаправленная деятельность, такая как добровольное сосание пальца или улыбка к матери не являются показателями развития эго-функций [6].

А. Фрейд определила этап истинных объектных отношений как «стадию постоянства объекта, которое позволяет поддерживать положительное внутреннее представление об объекте независимо от удовлетворенности или неудовлетворенности» [5]. Ребенок на этом этапе четко воспринимает свою мать как отдельного человека. В этот период ребенок способен поддерживать свою привязанность к ней, независимо от состояния своих потребностей, и, несмотря на то, удовлетворяет или фрустрирует она их и даже несмотря на то, присутствует она или отсутствует. Когда мать уходит, ребенок ее не забывает. Ребенок имеет некоторое интернализированное представление о матери, которое сохраняется во время ее отсутствия.

Р. Шпиц обозначила начало третьего этапа формирования объектных отношений внезапным появлением реакции тревоги на незнакомых людей, которую она назвала «восьмимесячной тревогой». Эта реакция, которая сильнее всего бросается в глаза, когда мать отсутствует, объясняет ее отсутствие. Ребенок чувствует, что незнакомец – не его мать, делает вывод, что мать его бросила и из-за этого тревожится. Восприятие незнакомца как не матери подразумевает сравнение лица незнакомца с лицом матери, запечатленным в памяти. «До этого мы вряд ли можем говорить о любви, ибо нет никакой любви, пока того, кого любят, нельзя отличить от других, и нет либидинозного объекта до тех пор, пока он остается сменным» [3, стр.156].

Представители школы объектных отношений считают, что объектные отношения, хотя и примитивные, существуют с самого начала. Эта традиция имеет в некотором отношении больше общего с этологическим подходом, чем эго-психология.

Так, М. Кляйн описывала детей, которые в возрасте трех недель прерывали сосание, чтобы посмотреть на лицо матери; а младенцы, старшие на две недели реагируют на материнский голос и улыбку, меняя при этом выражение лица, показывая, что «удовлетворение так же тесно связано с объектом, который дает еду, как и самой едой». Согласно М. Кляйн, первые объектные отношения ребенка, связаны с «любовью и ненавистью к хорошей и плохой груди». При кормлении ребенок периодически переживает насыщение (удовлетворение) и голод (неудовлетворение, фрустрацию), что является стимулом для проявления любви или ненависти. В результате получается, что грудь, в виде психического представления, оказывается любимой и ощущается как «хорошая»; если же грудь является источником неудовольствия, она ненавидится и ощущается как «плохая». «Хорошая» грудь – внешняя и внутренняя – становится прообразом всех полезных и удовлетворяющих объектов, «плохая» же грудь – прообразом всех внешних и внутренних преследующих объектов [4].

М. Балинт и А. Балинт также считали, что примитивные объектные отношения присутствуют с самого начала. М. Балинт определял эти объектные отношения как «нечто само по себе», не связанное с эрогенными зонами. А. Балинт сделала акцент на инстинкте цепляния, и утверждала, что этот инстинкт является определяющей частью ранних объектных отношений, и в этих отношениях ребенок является активным, а не пассивным [6].

Согласно точке зрения Д. Винникотта решающую роль в формировании детско-материнской привязанности играет не потребность в еде, а физический холдинг, который Д. Винникотт считал базовой «формой любви».

Р. Фейрберн отрицал первичный нарциссизм, и настаивал на том, что инстинктивные влечения имеют объекты с самого начала, в качестве примера приводя поведение поиска объекта у новорожденного [4].

Согласно концепции Дж. Боулби, потребность ребенка в привязанности к защищающим фигурам – столь же основная и важная, как и потребность в пище. Исследователь, будучи психоаналитиком в традициях теории объектных отношений утверждал, что детско-материнская связь основана на ряде поведенческих систем, характерных для класса, которые сначала активируются или тормозятся рядом стимулов, вероятнее всего исходящих от других людей, и которые способствуют близости и взаимодействию ребенка и матери [2].

Анализируя подходы представителей психоанализа к пониманию отношений привязанности важно отметить, что внимание главным образом уделялось реконструкции того, что вероятнее всего переживает младенец во время успешных стадий первого периода развития, потому что традиционные психоаналитические методы невозможно применить к переживаниям младенца, нельзя косвенно изучить переживания младенца через вербальный отчет, основанный на воспоминаниях.

Бихевиористы критикуют психоаналитиков за то, что последние фокусируют свое внимание на внутренних процессах, недоступных наблюдению, однако в защиту психоаналитического подхода к проблеме должно быть сказано, что поведенческие феномены не могут быть адекватно поняты без обращения к понятиям внутренних структур и процессов, которые невозможно наблюдать непосредственно. На сегодняшний день психоаналитики все чаще обращаются к поведенческим реакциям младенца, как к доказательству выводов, которые могут быть сделаны при анализе фантазий и ассоциаций более старших пациентов.

Выводы.

1. Происхождение и развитие детско-материнских отношений традиционно рассматривают три подхода: психоаналитические теории объектных отношений, теории социального научения зависимости и привязанности и этологически ориентированные теории привязанности.

2. Под привязанностью понимают поведение ребенка, результатом которого является приобретение или сохранение близости с «объектом привязанности», которым обычно является человек, оказывающий помощь.

3. Привязанность формируется в течении первого года жизни и первым объектом привязанности как правило является мать. Привязанность длительная, прочная, мало подвержена изменениям.

4. В рамках психоаналитических концепций представители школы эго-психологии рассматривают отношения привязанности как вторичные, основанные на отношениях зависимости и выделяют три стадии формирования отношений привязанности: недифференцированный этап; переходный этап, и этап объектных отношений. Ребенок рассматривается как пассивный субъект.

5. Представители школы объектных отношений рассматривают отношения привязанности как первичные. Ребенок рассматривается как активный субъект.

Полученные результаты являются основой для дальнейшего проведения эмпирических исследований, которые смогут подтвердить или опровергнуть полученные данные.

Literatura

1. Bowlby J. Privjazannost'. – М.: «Gardariki», – 2003. – 477 s.
2. Bowlby J. Sozdanie i razrushenie jemocional'nyh svjazej. – М.: Akademicheskij proekt, – 2004. – 232s.
3. Spitz R., Cobliner W. Pervyj god zhizni. – М.: «Akademicheskij proekt», – 2006. – 352s.
4. Tyson F., Tyson R. Psihoanaliticheskie teorii razvitija – М.: «Kogito-centr», – 2006. – 408s.
5. Freud A. Detskij psihoanaliz. — SPb.: Piter, 2003. — 477 s.
6. Ainsworth M.D.S. Object relations, Dependency, and attachment: A theoretical review of the infant mother relationship // Child Development, 40. – 1968. – P.969-1025.
7. Bowlby J. The nature of the child's tie to his mother // International Journal of Psycho-Analysts, XLI. – 1958. – P.1-23.
8. Bretherton I. The origins of attachment theory: John Bowlby and Mary Ainsworth // Developmental Psychology, 28. – 1992. – P.759-775.
9. Freud S. Female sexuality. – London: Hogarth, – 1961. – P. – 225-243.